

справедливо говорить, что человекъ выпускаетъ изъ (своихъ) устъ и теплоту и холодъ. А именно, дыханіе при плотно сжатыхъ губахъ охлаждаетъ, между тѣмъ какъ дыханіе, выходящее при широко открытыхъ устахъ, дѣлается теплымъ вслѣдствіе разрѣженности. Итакъ, это Аристотель считаетъ его ошибкой. Дѣло въ томъ, что при свободномъ положеніи губъ выходитъ теплое дыханіе изъ насъ самихъ; если же мы подуемъ, сжавши губы, то (уже) не изъ насъ (идетъ) воздухъ, но выталкивается и выходитъ холодный воздухъ, (находившійся) передъ (нашими) устами.

2. *Аэцій I 3, 4 (D. 278)*. Милетецъ Анаксименъ, сынъ Эвристата, призналъ началомъ (всего) сущаго воздухъ. Ибо изъ него все возникаетъ и въ него обратно разрѣшается. „Подобно тому, говоритъ онъ, какъ душа наша, будучи воздухомъ, сдерживаетъ насъ, такъ дыханіе и воздухъ объемлетъ весь міръ“. Употребляетъ же (онъ слова:) воздухъ и дыханіе, какъ синонимы. Но ошибается и онъ, полагая, что живыя существа состоятъ изъ простого и однороднаго воздуха и дыханія. Ибо невозможно одну матерію принять началомъ сущаго, но должно предполагать и дѣйствующую причину. Подобно тому какъ серебра не достаточно для образованія чаши, если нѣтъ дѣятеля, то-есть серебряныхъ дѣлъ мастера. То же (можно сказать) и относительно мѣди, дерева и прочей матеріи.

Поддѣлка.

3. *Олимпіодоръ de arte sacra lapidis philosophorum c. 25.*¹⁾ Анаксименъ считаетъ воздухъ единымъ движущимся безпредѣльнымъ началомъ всего сущаго. А именно, онъ говоритъ такъ: „Воздухъ близокъ къ безтѣлесному, и такъ какъ мы возникаемъ черезъ его истеченіе, то онъ необходимо долженъ быть безконечнымъ и изобильнымъ, такъ какъ онъ никогда не изсякаетъ“.

4. Пифагоръ.

Могущественное духовное движеніе древней Греціи, связанное съ именемъ полубогендарной личности Пифагора, представляло собой весьма сложное явленіе. Развиваясь на протяженіи почти всей исторіи древней Греціи, начиная съ VI вѣка до Р. Х., пифагореизмъ заключилъ въ себѣ рядъ пластовъ, различныхъ по времени возникновенія. Мы различаемъ въ пифагореизмѣ прежде всего двѣ стороны: практическую (извѣстный

¹⁾ Tannery въ статьѣ «Un fragment d'Anaximène dans Olympiodore le chimiste» (Arch. f. G. d. Ph. I, стр. 314—321) допускаетъ возможность подлинности фрагмента. Хотя во второй половинѣ VI вѣка по Р. Хр., когда жилъ Олимпіодоръ, сочиненія Анаксимена уже не было, однако Олимпіодоръ могъ воспользоваться въ Александрійской бібліотекѣ какимъ-либо сочиненіемъ, въ которомъ была текстуально приведена цитата изъ Анаксимена. Дилльс считаетъ фрагментъ подложнымъ главнымъ образомъ на основаніи его языкового матеріала.

„образъ жизни“) и теоретическую (опредѣленную совокупность ученій). Практическая сторона пифагореизма несомнѣнно восходитъ къ самому родоначальнику этого духовнаго движенія—Пифагору; что же касается теоретической стороны, то лишь зачатки ея и притомъ только съ вѣроятностью могутъ быть возведены къ самому Пифагору¹⁾.

Практическую сторону пифагореизма можно разложить на слѣдующіе элементы: собственно религіозный, нравственный, педагогическій и политическій. Первоначальное ядро пифагореизма—религіозное. Оно слагалось изъ архаическаго слоя, который по своему существу древнѣе пифагореизма и былъ лишь усвоенъ послѣднимъ, и нѣкоторыхъ нововведеній, внесенныхъ основателемъ пифагорейской религіи. Въ послѣдней мы находимъ прежде всего „оргіи“, или „мистеріи“, т. е. культъ, состоявшій изъ обрядовъ и очищеній. Въ греческихъ мистеріяхъ самымъ важнымъ считалось точное выполненіе обрядовъ, въ нихъ на первомъ планѣ стояла внѣшняя обрядовая сторона; затѣмъ имѣлось въ виду создать у участниковъ мистерій извѣстное душевное настроеніе; и лишь третье (послѣднее) мѣсто занимали вѣрованія, которыя не становились догматами и въ которыхъ допускалась большая свобода (считалось допустимымъ любое объясненіе обрядовъ). Обряды составляли какъ бы неподвижный полюсъ въ свободно развивавшемся религіозномъ міровоззрѣніи. И въ основѣ пифагорейской религіи лежалъ особый ритуаль и цѣлая система табу (религіозныя предписанія воздержанія отъ мясной пищи, бобовъ, рыбъ, шерстяной одежды и т. п.). Пифагоръ ввелъ свой обрядъ жертвоприношеній и установилъ богослуженіе. Сверхъ того, онъ далъ цѣлый рядъ правилъ поведенія, въ которыхъ воскрешается примитивное „табу“. Эти предписанія назывались акусмата (*ἄκυσμα* собственно значитъ²⁾ „то, что ученикъ слышалъ отъ учителя“, и такимъ образомъ уже въ самомъ названіи выдвигается та черта этихъ предписаній, которая наиболѣе существенна для примитивнаго табу, а именно совершенная необоснованность и немотивированность предписанія, которое принимается къ исполненію исключительно на основаніи вѣры въ авторитетъ лица, высказывающаго его). Эти правила характерны не только своей категорической, лишенной всякой мотивировки формой, но также и своимъ содержаніемъ, которое направляется исключительно на внѣшнія дѣйствія. Это—предписанія въ родѣ слѣдующихъ: „когда встаешь съ постели, сверни постельное бѣлье и разгладь оставшіеся на немъ слѣды твоего тѣла“; „обувь сперва должно надѣвать на правую ногу, мыть же слѣдуетъ сначала лѣвую ногу“; „вынимая горшокъ изъ огня, не оставляй слѣда его на золѣ, но помѣшай золу“, и т. д. Подобными предписаніями былъ опутанъ каждый шагъ пифагорейца. Буквальный смыслъ является болѣе древнимъ значеніемъ этихъ предписаній. Позже на акусмата стали смотрѣть, какъ на символы (*σύμβολα*) или загадки (*αἰνύματα*), и посредствомъ искуст-

¹⁾ Виндельбандъ вовсе отрицаетъ эту сторону дѣятельности Пифагора.

²⁾ См. Hölk. De acusmatis sive symbolis Pythagoricis 1894.

венной интерпретаціи стали вкладывать въ нихъ иной смыслъ. Напримѣръ, предписаніе „сердца не ѣшь“ (воспрещеніе употреблять въ пищу извѣстную часть тѣла животныхъ) истолковывали: „не должно мучить своего сердца печалью“; акусма: „не мочись, повернувшись лицомъ къ солнцу“ стала символомъ: „передъ Богомъ поступай благоговѣйно“; акусма: „не ходи по дорогѣ“ сдѣлалась символомъ: „не слѣдуй мнѣнію простого народа“ и т. п. Акусматики—секта, которую можно назвать „старообрядцами“ пифагореизма, наиболѣе вѣрно хранила эти обрядовыя традиціи¹⁾. Общій характеръ этихъ предписаній ясенъ, но какія именно изъ нихъ составляли первоначальную часть пифагорейскаго устава, въ точности нельзя установить. Такъ, по однимъ свидѣтельствамъ, Пифагоръ запрещалъ употреблять въ пищу бобы; по другимъ же, Пифагоръ предпочиталъ бобы всякой другой пищѣ вслѣдствіе ихъ слабительнаго дѣйствія на желудокъ. Одни говорятъ, что Пифагоръ требовалъ полнаго воздержанія отъ мясной пищи; по другимъ, онъ запрещалъ употреблять, въ пищу только мясо нѣкоторыхъ животныхъ (рабочаго вола и барана), или не позволялъ ѣсть только нѣкоторыя части тѣлъ животныхъ (матку, сердце и др.), или разрѣшалъ ѣсть мясо только тѣхъ животныхъ, которыя приносятся въ жертву богамъ, или, наконецъ, требовалъ воздержанія отъ мясной пищи только въ опредѣленное время (такъ сказать, установилъ посты). Одни утверждаютъ, что Пифагоръ запретилъ своимъ ученикамъ половыя сношенія съ женщинами; по другимъ, онъ самъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей.

Итакъ. пифагорейскій союзъ первоначально былъ по преимуществу религіознымъ учрежденіемъ, онъ имѣлъ свой культъ, свои правила богослуженія, свои предписанія относительно пищи, одежды, очищенія и т. д.; каждый шагъ жизни его членовъ былъ подчиненъ строгимъ правиламъ. Основатель этой церкви—Пифагоръ является въ глазахъ членовъ ея полубожественнымъ существомъ, чудотворцемъ и прорицателемъ. Вѣра въ чудеса, творимыя Пифагоромъ, есть одинъ изъ древнѣйшихъ элементовъ пифагореизма. Несправедливо нѣкоторые историки относили этотъ религіозный элементъ пифагореизма (магію и теургію) на счетъ неопифагорейцевъ и видѣли въ немъ вліяніе восточныхъ идей на послѣднихъ. На самомъ дѣлѣ, какъ доказываетъ анализъ источниковъ, сообщенія о чудесахъ Пифагора представляютъ собой самое древнее, что извѣстно намъ о немъ. Таковы сообщенія о Пифагорѣ, что онъ—сынъ Аполлона или Гермеса, что онъ имѣлъ золотое бедро, помнилъ о своемъ прежнемъ существованіи, слышалъ гармонию сферъ, спускался въ Аидъ, имѣлъ общеніе съ божественными существами и др. Такимъ образомъ чудесный элементъ въ пифагореизмѣ—одинъ изъ древнѣйшихъ, неопифагорейцы лишь воскресили его, развивъ и еще бо-

¹⁾ См. Th. Bergk *Griechische Literaturgeschichte* II Bd. 1883, стр. 433, сноска: „Акусматиками собственно назывались приверженцы пифагорейца Гиппаса... Эти акусматики, очевидно, представляютъ типъ древней пифагорейской школы въ самомъ чистомъ видѣ“.

лѣе разукрасивъ легенду о Пифагорѣ въ цѣляхъ создать языческой противовѣсъ образу І. Христа.

Однако, не въ вышеописанныхъ чертахъ заключалось своеобразие пифагорейской религіи. Изъ другихъ греческихъ мистерій ее, какъ и орфику, выдѣляли особыя представленія о природѣ и судьбѣ душъ. Этотъ второй религіозный слой въ пифагореизмѣ восходитъ своими корнями къ еракійскому культу Діониса. Кругъ представленій, перешедшій отъ культа Діониса къ орфикамъ и пифагорейцамъ, заключался въ вѣрѣ въ самостоятельность души, въ ея высшее сравнительно съ тѣломъ назначеніе. Душа — существо божественной природы, которое заключается въ тѣла въ наказаніе за прегрѣшеніе. Воплощеніе души есть ея наказаніе, тѣло — ея темница. Смерть не даетъ освобожденія отъ тѣла, такъ какъ душа необходимо переходитъ въ другое тѣло (человѣка или животнаго); поэтому самоубійство безмысленно, оно не ведетъ къ цѣли. Высшая задача, которая ставится каждому, — освободить свою душу изъ ея тѣлесной темницы, вывести ея изъ круговорота воплощеній. Выходъ души изъ круга рожденій дается „пифагорейскимъ образомъ жизни“. Всѣ эти идеи: божественность души, независимость ея отъ тѣла и ея безсмертіе, ученіе о переселеніи душъ и объ ихъ выходѣ изъ круговорота воплощеній, были введены въ пифагорейскую религію самимъ Пифагоромъ¹⁾. По преданію, самъ Пифагоръ сохранилъ воспоминаніе о прежнихъ воплощеніяхъ своей души, а именно, цѣль воплощеній его души была такой: сперва онъ былъ Эвалидомъ, сыномъ Гермеса, потомъ Эвфорбомъ, котораго убилъ Менелай въ троянской войнѣ, далѣе Гермотимомъ, затѣмъ рыбакомъ Пирромъ и, наконецъ, Пифагоромъ. Равнымъ образомъ онъ помнилъ серіи воплощеній и другихъ душъ.

Итакъ, Пифагоръ учредилъ практически-религіозный институтъ (церковь) для обезпеченія загробнаго блаженства душъ. Цѣль пифагорейскаго союза — спасеніе души; оно достигается „пифагорейскимъ образомъ жизни“. Мы уже ознакомились, въ чемъ состоялъ этотъ образъ жизни. Однако, пифагореизмъ не занималъ бы въ исторіи духовной культуры высокаго мѣста, если бы дѣятельность его ограничилась насажденіемъ примитивныхъ суевѣрныхъ обрядовъ. Въ реставраціи послѣднихъ выразился вообще консервативный духъ Пифагора съ его превознесеніемъ всего древняго. Но Пифагоръ внесъ и этическую струю въ свой религіозный институтъ. Смотря на земную жизнь, какъ на путь къ очищенію души, онъ облагораживаетъ средства очищенія. Не только точное соблюденіе обрядовъ и правилъ воздержанія, но и серьезная музыка аподлоновской лиры ведетъ душу къ освобожденію отъ тѣлесныхъ оковъ. Точно такъ же нравственное совершенствованіе и безкорыстное занятіе наукой служатъ средствами очищенія души. Самое ученіе о воздаяніи по смерти приобрѣтаетъ

¹⁾ По Целлеру (*Die Philosophie der Griechen I*, стр. 325), ученіе о переселеніи душъ и ихъ безсмертіи было единственнымъ ученіемъ, которое связывалось съ именемъ Пифагора въ первое столѣтіе послѣ его смерти.

этическій характеръ. Вводится понятие о справедливости, какъ о воздаяніи равнымъ за равное. Что душа сдѣлала другимъ въ прежней своей жизни, то самое должна она испытать на себѣ въ слѣдующемъ новомъ воплощеніи. Соотвѣтственно тому, какъ была проведена прежняя жизнь, совершается новое воплощеніе. Нѣкоторые историки особенно выдвигаютъ этотъ этическій характеръ пифагорейской религіи. Такъ, по Целлеру, Пифагоръ прежде всего хотѣлъ съ помощью религіи произвести реформу нравственной жизни. И по Виндельбанду, цѣль Пифагора—нравственное обновленіе общества, онъ выступаетъ противъ нравственной распущенности. Однако, насколько силенъ былъ этическій элементъ въ первоначальномъ пифагореизмѣ, это остается подъ знакомъ вопроса. По мѣрѣ развитія пифагореизма этотъ элементъ усиливается, и сама ритуальная аскетика становится символикой, прикрывающей этическія предписанія.

Какой же этическій идеалъ выросъ на почвѣ пифагореизма? Подчиненіе индивида цѣлому, уваженіе къ традиционнымъ обычаямъ, почитаніе боговъ, родителей, начальства, наставниковъ и старшихъ, умѣніе подчиняться, самообладаніе, строгое отношеніе къ своимъ обязанностямъ, доходящая до самопожертвованія вѣрность по отношенію къ друзьямъ, физическая выносливость, отвращеніе къ чувственнымъ наслажденіямъ, простота въ одеждѣ, умѣренность въ пищѣ, а равнымъ образомъ стремленіе къ одухотворенію жизни (къ наукѣ и искусству) и къ гармоническому развитію физическихъ и духовныхъ силъ—вотъ изъ какихъ элементовъ состоялъ идеалъ совершеннаго пифагорейца.

Для осуществленія этого идеала пифагореизмъ воздвигъ цѣлую педагогическую систему. Главными средствами воспитанія признавались гимнастика, музыка (лира и кивара) и науки (особенно математика). Былъ выработанъ также цѣлый рядъ приемовъ для воспитанія характера. Въ союзъ принимали послѣ строгаго испытанія дарованій и характера, причемъ прибѣгали и къ фізіономикѣ. Отъ поступившихъ требовалось безусловное повиновеніе старшимъ, принятіе на вѣру всѣхъ ученій и продолжительное молчаніе. Лишь позже, по усвоеніи извѣстныхъ навыковъ мысли, допускалось самостоятельное разсужденіе. Послѣ долгой и серьезной подготовки становились полноправными членами союза. Порядокъ дня у членовъ союза былъ строго распредѣленъ до мельчайшихъ подробностей. День пифагореецъ начиналъ размышленіемъ: „что должно сегодня сдѣлать?“ и заканчивалъ самоиспытаніемъ: „въ чемъ сегодня я погрѣшилъ? что сдѣлалъ и чего не выполнилъ?“ Пифагорейцы проводили время въ совмѣстныхъ занятіяхъ гимнастикой, музыкой и науками, въ прогулкахъ и бесѣдахъ, въ общихъ трапезахъ, пѣніи и омовеніяхъ. Пифагорейцы составляли тѣсный кружокъ друзей. Это былъ „союзъ дружбы“, культъ которой столь процвѣталъ въ древней Греціи. Вѣрность пифагорейцевъ въ дружбѣ прославлялась въ древности. Членами союза были какъ мужчины, такъ и женщины (Феано, жена Пифагора; Дейноно, жена Бронтина и др.). Хотя пифагорейцы и учили о превосходствѣ мужского начала надъ женскимъ, однако, женщины занимали въ союзѣ высокое мѣсто

и, по преданію, были даже главами союза. Пиеагорейскій союзъ отличался замкнутостью, обособленностью отъ непосвященныхъ.

Такимъ образомъ пиеагорейскій союзъ былъ воспитательнымъ институтомъ для выработки аристократіи ума и характера.

Общество, сплоченное такими религіозными и нравственными связями, представляло собой могущественное социальное явленіе. Оно выступило въ качествѣ политической партіи¹⁾, дѣятельность которой можетъ быть охарактеризована какъ реакція въ аристократическомъ духѣ противъ демократіи, съ одной стороны, и противъ тиранніи, съ другой. Политическимъ идеаломъ пиеагорейцевъ была (какъ выясняетъ Chaignet) аристократія ума и добродѣтели и слѣбное повиновеніе народной массы такому правительству. Но эта аристократія, повидимому, не стояла въ прямой связи съ родовой аристократіей. Равнымъ образомъ политическіе и нравственные идеалы пиеагорейцевъ не имѣютъ никакого отношенія къ „дорическому міровоззрѣнію“. Со времени Бѣкка часто смотрѣли на Пиеагора, какъ на представителя дорического міровоззрѣнія, между тѣмъ какъ онъ былъ іоніецъ и дѣйствовалъ въ ахейскихъ городахъ²⁾. Притомъ мы не находимъ въ доризмѣ нѣкоторыхъ самыхъ существенныхъ сторонъ пиеагореизма и прежде всего стремленія къ одухотворенію жизни.

На почвѣ такого практическаго института выросла пиеагорейская философія. Связь между практической и теоретической сторонами пиеагореизма заключалась (какъ указываютъ J. Burnet и Döring) въ томъ, что въ занятіяхъ чистой наукой, не имѣющей въ виду никакой „земной“ практической пользы, видѣли наилучшее средство очищенія души и освобожденія ея отъ „круга рожденій“. То, что называютъ пиеагорейской философіей, есть, на самомъ дѣлѣ, цѣлая совокупность разнородныхъ ученій; подъ этимъ терминомъ объединены различныя направленія, имѣвшія разные предметы и способы изслѣдованія. Но при всемъ ихъ разнообразіи, ихъ связываетъ не только общій мистико-религіозный источникъ происхожденія, но также общій духъ, общія руководящія идеи, въ направленіи которыхъ шли эти изслѣдованія.

Поэтому можно думать, что основныя идеи, въ духѣ которыхъ развивались всѣ пиеагорейскія ученія, идутъ отъ самого Пиеагора. На этомъ основаніи мы допускаемъ, что кромѣ „акусмата“ у Пиеагора были и „математа“ (научныя положенія). Его мудрость состояла изъ тѣхъ и другихъ („ex acusmatis et mathematicis“). Прежде всего мы назовемъ Пиеагора великимъ математикомъ. Вѣра въ религіозно-катартическое дѣйствіе науки дала ему силу положить основаніе чистой математикѣ. Въ ариеметикѣ пиеагорейцевъ³⁾ основнымъ (и, можетъ быть, первоначальнымъ) слѣдуетъ счи-

¹⁾ Неприемлемо мнѣніе Крише, что вся цѣль пиеагорейскаго союза была чисто политической и что всѣ остальные стороны въ немъ подчинены этой цѣли.

²⁾ Это представленіе о дорическомъ характерѣ міровоззрѣнія Пиеагора разрушили Ed. Meyer и Ulr. v. Wilamowitz-Moellendorff.

³⁾ Математическія ученія пиеагорейцевъ см. особенно у Kinkel'a (Geschichte der Philosophie I, 1903, стр. 104 и слѣд.), также у Таннери и J. Burnet'a.

тать прежде всего дѣленіе чиселъ на четныя, нечетныя и четно-нечетное первичное число (единица). Этому тройному дѣленію составляютъ параллель три вида чиселъ, открытыхъ пифагорейцами: такъ называемыя квадратныя, прямоугольныя и трехугольныя числа. Квадратныя числа получаются черезъ сложеніе нечетныхъ: $1+3=4=2^2$; $1+3+5=9=3^2$; $1+3+5+7=16=4^2$ и т. д. Прямоугольныя числа получаются черезъ сложеніе четныхъ: $2+4=6=2.3$; $2+4+6=12=3.4$ и т. д. Треугольныя числа получаются черезъ сложеніе по порядку четныхъ и нечетныхъ чиселъ: $1+2+3+\dots+n=\frac{n(n+1)}{2}$. Въ пифагорейской школѣ рано было

открыто также взаимоотношеніе квадратовъ чиселъ (ученіе о суммѣ квадратовъ чиселъ). Далѣе, у нихъ мы находимъ ученіе о среднихъ величинахъ¹⁾, т. е. о пропорціяхъ и отношеніяхъ величинъ. Средними величинами въ древности назывались группы такихъ трехъ величинъ, средняя изъ которыхъ есть функція двухъ крайнихъ. Насчитывали всего десять видовъ „среднихъ величинъ“. Изъ нихъ три вида: такъ наз. арифметическое, геометрическое и гармоническое среднія вошли въ современную математику подъ названіемъ непрерывныхъ пропорцій (арифметическая непрерывная пропорція $a-c=c-b$; геометрическая $a:c=c:b$; и гармоническая $(a-b):(b-c)=a:c$; такимъ образомъ среднее арифметическое двухъ величинъ равно $\frac{a+b}{2}$, среднее геометрическое \sqrt{ab} и среднее гар-

моническое $\frac{2ab}{a+b}$). Изъ пифагорейской же школы вышла Пифагорова таблица умноженія, вписанная въ четырехугольникъ. Размышленія надъ основами математическаго счета привели пифагорейцевъ къ поклоненію священной декадѣ. Всѣ остальные числа суть для нихъ простыя повторенія первыхъ десяти. Декаду они отождествляли съ четверкой, такъ какъ сумма первыхъ четырехъ цифръ равна 10. Священными числами считались по преимуществу *единица*, какъ первоначало чиселъ, *троица*, такъ какъ истинное единство представлялось имъ тріединствомъ, *четверица*, какъ заключающая въ себѣ тайну декады, и, наконецъ, сама *десяетка*. Впослѣдствіи мистика чиселъ у пифагорейцевъ сильно развилась.

Переходя къ пифагорейской геометріи, прежде всего отмѣтимъ примѣненіе ими числа къ пространству. Элементы пространства и геометрическія фигуры они сводятъ къ числамъ. Такъ, точка есть пространственная единица, линія—пространственное 2, поверхность 3, тѣло 4. Къ пифагорейскимъ открытіямъ въ геометріи принадлежитъ прежде всего такъ наз. Пифагорова теорема (въ прямоугольномъ треугольникѣ квадратъ гипотенузы равенъ суммѣ квадратовъ катетовъ). Другая теорема, открытая Пифагоромъ, говоритъ о суммѣ угловъ въ треугольникѣ ($=2d$). Вообще содержаніе двухъ первыхъ книгъ „Элементовъ Эвклида“—собственность

¹⁾ Это ученіе идетъ, вѣроятно, отъ самого Пифагора.

пифагорейской школы. Самъ Пифагоръ открылъ несоизмѣримость діагонали квадрата съ его стороною ¹⁾. Въ стереометріи пифагорейцы первые открыли 5 правильныхъ геометрическихъ тѣлъ: кубъ, тетраэдръ, октаэдръ, икосаэдръ и додекаэдръ.

По Эвдему, Пифагоръ первый сдѣлалъ геометрію подлинной наукой. И мы полагаемъ, что именно его, а не Фалеса, слѣдуетъ считать основателемъ дедуктивной геометріи. Впервые у Пифагора математика изъ практическаго искусства становится чистой наукой ²⁾.

Наконецъ, Пифагоръ полагаетъ начало математическому естествознанію. Онъ создаетъ математическую акустику (а именно, тотъ отдѣлъ ея, который назывался каноникой или гармоникой, т. е. ученіе о музыкальныхъ интервалахъ) и теоретическую астрономію (сферу, т. е. начала небесной механики). Онъ открываетъ математическую закономерность, съ одной стороны, въ музыкѣ ³⁾, съ другой, въ обращеніи небесныхъ свѣтилъ, и, исходя отсюда, постулируетъ существованіе такой же математической закономерности во всѣхъ явленіяхъ. И не только физическія и метафизическія, но также соціальныя, этические и теологическія понятія получаютъ математическую окраску. „Все есть число“ становится основоположеніемъ пифагорейскаго міровоззрѣнія и универсальнымъ методомъ ихъ научныхъ построеній. Но такъ какъ поставленная ими задача—выразить въ формѣ математическихъ законовъ не только всю дѣйствительность, но и содержаніе своихъ мифологическихъ и теологическихъ вѣрованій, а равнымъ образомъ этическихъ и соціальныхъ идеаловъ—была неразрѣшимой, то они прибѣгли къ произвольной аналогіи и игрѣ числами и такимъ образомъ создали фантастическую числовую символику ⁴⁾.

Древнѣйшая форма пифагорейской космологіи, восходящая, вѣроятно, къ самому Пифагору, примыкаетъ самымъ тѣснымъ образомъ къ ученію Анаксимена. Послѣдній училъ, что міръ дышитъ, что въ міръ постоянно втекаетъ воздушная масса изъ безконечнаго пространства за міромъ. Безпредѣльный воздухъ Анаксимена тождественъ для Пифагора съ геометрическимъ пространствомъ, но для созданія міра, по его мнѣнію, недостаточно этого единаго „неограниченнаго“ принципа, необходимо еще другое, „ограничивающее“ начало. Таковымъ является огонь. Жизнь міра заключается въ томъ, что онъ вдыхаетъ, втягиваетъ въ себя воздушную пустоту. Такимъ образомъ пифагорейцы первые выдвинули понятіе пустоты и у нихъ же впервые признается первоэлементомъ огонь (послѣднее Аристотель

¹⁾ Отсюда вышло ученіе объ ирраціональныхъ величинахъ.

²⁾ Поэтому Н. Hankel (*Zur Geschichte d. Mathematik in Alterthum u. Mittelalter* 1874, стр. 92) называетъ Пифагора „отцомъ математики“.

³⁾ А именно, онъ открылъ зависимость высоты тона отъ длины колеблющейся струны.

⁴⁾ Напримѣръ, бракъ и богиня рожденія Афродита выражаются числомъ 5, такъ какъ оно есть результатъ сложенія перваго женскаго (четнаго) числа (2) и перваго мужскаго (нечетнаго) числа (3). Любовь и дружба выражаются числомъ 8, такъ какъ гармонія свое высшее выраженіе находитъ въ октавѣ.

приписываетъ пифагорейцу Гиппасу). Мировоззрѣніе пифагорейцевъ было дуалистическимъ ¹⁾: основную противоположность образовывали предѣль и безпредѣльное, или огонь и воздухъ (или свѣтъ и тьма). Высшимъ принципомъ являлось у нихъ не безразличіе противоположностей, какъ у Анаксимандра, но примиреніе противоположностей, т. е. гармонія, или мѣра. Жизнь вселенной есть постоянное ограничиваніе неограниченнаго и познаніе есть опредѣленіе неопредѣленнаго. Единство первичныхъ противоположностей (границы и безграничнаго) есть гармонія. Гармонія не есть нѣчто субъективное, человѣческое, напротивъ, это объективная сущность, высшій міровой законъ.

Таковы основы пифагорейской космологіи. Сверхъ того, слѣдуетъ упомянуть, что пифагорейцы признавали множественность міровъ ²⁾ и безконечную повторяемость всѣхъ явленій. Все возвращается безконечное число разъ: всѣ наши поступки и всѣ обстоятельства нашей жизни до мельчайшихъ подробностей повторятся въ будущемъ безчисленное число разъ подобно тому, какъ и въ прошломъ они уже совершались безконечное число разъ. Изъ астрономическихъ взглядовъ пифагорейцевъ отмѣтимъ ученіе о шарообразности земли и связанную съ этимъ теорію климатическихъ поясовъ, ученіе о движеніи земли вокругъ центральнаго мірового огня ³⁾, ученіе о движеніи свѣтилъ въ шарообразныхъ сферахъ, которыя при движеніи издають звуки — „гармонію сферъ“, различіе движенія планетъ съ запада на востокъ отъ ихъ суточного движенія съ востока на западъ. Всѣ эти ученія, вѣроятно, восходятъ къ самому Пифагору.

Мы изложили тѣ ученія пифагорейцевъ, которыя могутъ считаться наиболѣе древними. Что касается основныхъ принциповъ ихъ метафизики, то у историковъ мы встрѣчаемъ нѣкоторое разногласіе относительно первоначальнаго характера ихъ ⁴⁾. По мнѣнію однихъ, первоначальное пифагорейское мировоззрѣніе исходило изъ арифметическаго созерцанія числа (этотъ взглядъ особенно отстаиваетъ Целлеръ); по мнѣнію другихъ, исходный пунктъ пифагорейской философіи былъ геометрической: размышленіе надъ пространственными отношеніями (границами пространства и безконечнымъ пространствомъ); по мнѣнію третьихъ, первоначальная форма пифагорейской философіи носитъ по преимуществу физическій характеръ: она тѣсно примыкаетъ къ милетской философіи Анаксимена и имѣетъ основными принципами огонь и воздушную пустоту; наконецъ, встрѣчается и теолого-метафизическое пониманіе первоначальныхъ пифагорейскихъ принциповъ. Въ дошедшей до насъ формѣ пифагорейской философіи эти

¹⁾ Согласно этому дуализму строится таблица противоположностей, состоящая изъ двухъ рядовъ: положительнаго и отрицательнаго. Это есть первая въ исторіи мысли таблица категорій.

²⁾ Такъ, одинъ изъ древнѣйшихъ пифагорейцевъ Петронъ училъ, что существуетъ всего 183 міра.

³⁾ Такимъ образомъ впервые у пифагорейцевъ астрономія перестаетъ быть геоцентрической и земля признается вращающейся.

⁴⁾ Этому вопросу отведено много мѣста въ основной работѣ Целлера.

четыре стороны: арифметическая, геометрическая, физическая и теологическая, как бы заключены одна въ другую. Такъ, напримѣръ, первоначало міра—единица, или монада, есть въ то же время предѣлъ (ограничивающее начало пространства), центральный огонь и Мать боговъ. Оно такимъ образомъ предстаетъ передъ нами въ четырехъ формахъ. И подобнымъ же образомъ любое понятіе у пифагорейцевъ занимаетъ определенное мѣсто въ каждой изъ четырехъ основныхъ параллелей: арифметической, геометрической, физической и теологической. Поэтому-то у пифагорейцевъ, съ одной стороны, числа суть сущность всѣхъ вещей, съ другой стороны, сами числа принимаютъ пространственные образы, въ-третьихъ, эти числа есть нѣчто вещественное, матеріальное, и, наконецъ, они—священны, божественны. Числа, какъ арифметическіе принципы, выражаютъ законѣрность, необходимость Логоса (разума), отличную отъ необходимости Судьбы. Числа, какъ геометрическіе принципы, уже не суть чистыя количества, это—силы, образующія изъ неограниченнаго, безпредѣльнаго пространства определенныя формы. Числа, какъ физическіе принципы, суть матеріальныя вещества¹⁾, въ которыхъ объективированы законѣрность, порядокъ, гармонія. И, наконецъ, числа, какъ теологическіе принципы, обладаютъ таинственными, мистическими силами и суть божественныя существа. Число, разсматриваемое со всѣхъ этихъ сторонъ вмѣстѣ, есть сущность всего существующаго, высшая объективная реальность. Числамъ принадлежитъ большая реальность, чѣмъ конкретнымъ вещамъ, такъ какъ послѣднія суть только проявленія чиселъ, это—лишь внѣшняя сторона чиселъ, которая одна видна непосвященнымъ, не постигающимъ внутренней сущности вещей. Числа суть одновременно и разумная и мистическая и матеріальная основа вещей.

Была ли какая-либо внутренняя связь между содержаніемъ пифагорейской философіи и пифагорейскимъ образомъ жизни? Шлейермахеръ идетъ слишкомъ далеко, признавая этическій характеръ всего пифагорейскаго умозрѣнія. Даже на пифагорейскую математику онъ смотритъ, какъ на этическую технику. Не только нельзя согласиться съ мнѣніемъ, будто вся пифагорейская философія есть по своему содержанію не что иное, какъ этика, но даже непріемлемо и мнѣніе Циглера, который находитъ у пифагорейцевъ зачатки дѣйствительно научной, подлинно систематической этики. Правда, пифагорейцы дѣлали попытки выразить въ числахъ и этическія понятія, но эти попытки не пошли дальше фантастической игры числами. Однако, мы не согласны и съ тѣми, кто утверждаетъ, что научное міровоззрѣніе пифагорейцевъ не стоитъ ни въ какой связи съ ихъ жизнепониманіемъ. Связующимъ звеномъ между ними былъ эстетическій моментъ. Научныя открытія пифагорейцевъ въ области гармоникѣ

¹⁾ Въ первоначальномъ пифагореизмѣ несомнѣнно числа матеріальны, причеиъ и у нихъ, какъ и у милетскихъ философовъ, сама матерія мыслится живой, одушевленной: они также стоятъ на гилозоистической точкѣ зрѣнія.

привели ихъ къ построенію математической эстетики. Основнымъ положеніемъ этой эстетики было убѣжденіе, что извѣстныя числовыя отношенія суть основныя условія всякой красоты, что сущность красоты покоится на внутреннихъ числовыхъ отношеніяхъ. Гармонія стала у пифагорейцевъ математическимъ понятіемъ. Съ другой стороны, все міровоззрѣніе ихъ приняло эстетическій характеръ. Такъ, движеніе небесныхъ свѣтилъ становится въ ихъ глазахъ пляской свѣтилъ вокругъ мірового огня, сопровождаемой своеобразной музыкой (гармонія сферъ). Звѣзды пляшутъ и играютъ, танцы и музыка — ихъ постоянное занятіе. Вообще повсюду въ природѣ господствуетъ законѣрность, гармонія и красота. Такую же гармонію и красоту должно реализовать въ жизни индивида и общества. И пифагорейскій союзъ видитъ свою задачу въ томъ, чтобы проводить въ жизнь тотъ законъ, ту мѣру, гармонію, красоту, которыя онъ усмотрѣлъ въ основѣ вселенной. Позже, когда развились одностороннія рѣшенія міровой проблемы (Гераклитъ, съ одной стороны, элейцы, съ другой), пифагорейцы, повидимому, первые выступаютъ съ примиряющей попыткой. На основѣ своихъ принциповъ они стараются гармонически примирить одностороннія философскія направленія. Такимъ образомъ гармонія противоположностей и здѣсь становятся ихъ высшей руководящей идеей.

Изъ практическихъ дисциплинъ у пифагорейцевъ наиболѣе развивалась медицина, причемъ въ качествѣ лечебнаго средства примѣнялась ими и музыка.

Изложеніе пифагорейской философіи представляетъ особыя трудности: одни (нпр., Кинкель) даютъ общій обзоръ пифагореизма, рассматривая его какъ одно цѣлое, но въ этомъ случаѣ совершенно игнорируется длинная эволюція пифагореизма и разнородность вошедшихъ въ него элементовъ; другіе (нпр., Döring, J. Burnet) разсѣкаютъ пифагореизмъ на его историческіе слои но подобное дѣленіе на фазы развитія является всегда до извѣстной степени произвольнымъ, вслѣдствіе весьма неудовлетворительнаго состоянія нашихъ источниковъ о пифагореизмѣ.

Древнѣйшій періодъ пифагореизма мы назвали бы „доэлеатовскимъ“. Кромѣ самого Пифагора, къ этому періоду относятся Гиппась, считавшійся главою акусматиковъ, Демокедъ, стоявшій въ центрѣ медицинскаго кружка пифагорейцевъ, Керкопсъ, Петронъ, Бротинъ, Каллифонъ, Пармискъ, и пифагорейскія женщины: Феано, Дейноно и др.

Пифагоръ Самосскій, сынъ Мнесарха, былъ младшимъ современникомъ Анаксимена. Акме его, по Аполлодору, пришлось на ол. 62, 1 (531 г.). Около этого времени онъ переселился въ Великую Грецію (нижнюю Италію) и основалъ въ Кротонѣ союзъ. Умеръ онъ въ Метапонтѣ около 500 г. до Р. Х. Объ его жизни мы имѣемъ очень мало достовѣрныхъ свѣдѣній и очень много легендъ. Изъ послѣднихъ имѣютъ большую историческую цѣнность тѣ, которыми было окружено имя Пифагора въ первые вѣка послѣ его смерти. Главными источниками о Пифагорѣ служатъ „Жизнь Пифагора“ Ямвлиха, „Биографія Пифагора“ Порфирія и Діогенъ

Лаэръцій. Въ нихъ сохранились отрывки изъ сочиненій учениковъ Аристотеля Аристоксена и Дикеарха. Эти отрывки и представляютъ наиболѣе цѣнную съ исторической точки зрѣнія часть содержанія работъ Ямвлиха, Порфирія и Диогена Лаэръція. Выдающійся анализъ источниковъ по исторіи пифагореизма дали Chr. Meiners¹⁾, E. Rohde²⁾ и C. Cobet³⁾.

Оставилъ ли Пифагоръ какое-нибудь сочиненіе, этотъ вопросъ былъ предметомъ спора уже въ древности. Между тѣмъ какъ другіе рѣшительно отрицаютъ это, Диогенъ Лаэръцій приводитъ заглавіе трехъ его сочиненій: о воспитаніи, о государствѣ и о природѣ, считая утвержденіе, что Пифагоръ ничего не писалъ, шуткой. Первый несомнѣнный представитель пифагореизма въ литературѣ — Филолай, старшій современникъ Демокрита и Сократа.

Изъ персонажей древнѣйшаго (доэлеатовскаго) пифагореизма наиболѣе выдѣляется Гиппась. По преданію, онъ принадлежалъ къ пифагорейской школѣ, но былъ исключенъ изъ нея еще самимъ Пифагоромъ за то, что разгласилъ ученіе о несоизмѣримости діагонали и стороны квадрата (ирраціональность этого отношенія хранилась въ тайнѣ, какъ исключеніе, подрывающее ученіе о подчиненіи всего числамъ). Преданіе ставитъ ему въ вину также то, что онъ приписалъ себѣ открытіе правильного додекаэдра и перешелъ на сторону политической партіи, враждебной пифагорейцамъ. Гиппась считался главою акусматиковъ, и вышеприведенные рассказы о немъ вышли отъ враждовавшей съ акусматиками другой пифагорейской секты (такъ наз. математиковъ). Гиппась извѣстенъ своимъ ученіемъ объ огнѣ, какъ о первоэлементѣ. Онъ говорилъ, что и души имѣютъ огненную природу. Гиппасу приписывали сочиненіе: „мистическій логосъ“, въ которомъ онъ будто бы изложилъ въ искаженной формѣ ученіе Пифагора.

Выступленіе пифагорейскаго союза въ качествѣ политической партіи и стремленіе его къ захвату политической власти возбудили къ нему ненависть народа. Незадолго до смерти Пифагора (около 500 г.) произошелъ первый разгромъ пифагорейской школы (это, повидимому, и заставило Пифагора переѣхать въ Метапонтъ). И позже не разъ возобновлялась борьба великогреческой демократіи съ пифагорейскимъ союзомъ и нѣсколько разъ пифагорейцы изгонялись изъ городовъ Великой Греціи. Неизвѣстно, къ какому времени относится наиболѣе сильный ударъ, нанесенный пифагорейцамъ, когда народъ напалъ на школу и сжегъ зданіе съ находившимися въ немъ пифагорейцами.

1) Chr. Meiners. Geschichte d. Ursprungs, Fortgangs und Verfalls der Wissenschaften in Griechenland und Rom, I, со стр. 273.

2) Erw. Rohde. Rhein. Mus. B. 26, 27 и 35.

3) C. Cobet. Mnemosyne V, 1877.

Свидѣтельства о Пиеагорѣ Ксенофана (11 В 7), Гераклита (12 В 40 и 129), Эмпедокла (21 В 129) и Иона (25 В 4) см. подъ именами этихъ авторовъ.

1. *Геродотъ* (пер. *Θ. Мищенко*) II 123. Египтяне первые высказали ученіе, что душа человѣка безсмертна, что съ разрушеніемъ тѣла она вселяется въ другое животное, которое рождается въ то же самое время; обошедши всѣхъ животныхъ, земныхъ, морскихъ и пернатыхъ, душа вселяется снова въ нарождающееся тѣло человѣка; круговращеніе совершается въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ. Ученіе это излагали и нѣкоторые еллины, какъ свое собственное, одни раньше, другіе позже; именъ ихъ я не сообщаю, хотя и знаю. II 81. Однако, въ шерстяныхъ одеждахъ (*у египтянъ*) грѣшно входить въ храмъ или хоронить покойниковъ. Въ этомъ отношеніи обычаи египтянъ согласуются съ орфическими и вакхическими обрядами, въ сущности египетскими и пиеагорейскими: посвященному въ эти таинства грѣшно быть погребену въ шерстяныхъ одеждахъ. Объ этомъ обычаѣ, впрочемъ, существуетъ священное сказаніе.

2. ————— IV 95. Какъ слышалъ я отъ еллиновъ, живущихъ по берегамъ Геллеспонта и Понта, этотъ самый Салмоксисъ былъ человѣкомъ, именно, рабомъ сына Мнесархова Пиеагоры на Самѣ; потомъ онъ сдѣлался свободнымъ, приобрѣлъ большое состояніе и вернулся снова на родину. Эракіяне глуповаты и ведутъ жалкую жизнь, а Салмоксисъ познакомился съ образомъ жизни іонянъ и съ такими нравами, которые для эракіянъ были слишкомъ утонченны, ибо онъ имѣлъ общеніе съ еллинами и съ мудрѣйшимъ изъ нихъ, Пиеагорою; на родинѣ онъ устроилъ для себя залъ, въ которомъ радушно принималъ знатнѣйшихъ гражданъ и за обильными пиршествами училъ гостей, что ни онъ самъ, ни застольные товарищи его, ни потомки ихъ, даже самые отдаленные, не умрутъ, но удалятся въ такую страну, гдѣ будутъ жить вѣчно и будутъ пользоваться всѣми благами. Поступая и проповѣдуя такимъ образомъ, онъ тѣмъ временемъ соорудилъ для себя подземное помѣщеніе. Когда оно было совсѣмъ готово, Салмоксисъ удалился изъ среды эракіянъ, низопелъ въ подземелье и тамъ прожилъ три года. Геты скучали и сожалѣли по немъ, какъ по умершемъ; но на четвертый годъ онъ явился къ эракіянамъ и такимъ способомъ внушилъ довѣріе къ тому, что проповѣдывалъ. Вотъ что, говорили мнѣ, сдѣлалъ онъ. Что касается меня, то я не отрицаю рассказовъ о немъ и о подземномъ помѣщеніи его, но и не слишкомъ довѣряю имъ; полагаю во всякомъ случаѣ, что Салмоксисъ этотъ жилъ за много лѣтъ до Пиеагоры.

3. *Диогенъ VIII* 8. И Аристоксенъ говоритъ, что весьма многія этические ученія Пиеагоръ заимствовалъ у дельфійской жрицы Θεμισтоклеи.

4. *Исократъ Вис.* 28. Пиеагоръ Самосскій... прибывъ въ Египетъ и сдѣлавшись ученикомъ ихъ (*египтянъ*), первый принесъ къ эллинамъ и прочую философію и ревностнѣе остальныхъ позаботился о томъ, что касается жертвоприношеній и священныхъ обрядовъ при жертвоприношеніяхъ, полагая, что если за это ему не будетъ никакой пользы отъ бо-

говъ, то, по крайней мѣрѣ, у людей онъ этимъ весьма прославится. 29. Это съ нимъ и случилось. Ибо настолько славою онъ превзошелъ остальныхъ, что вся молодежь хотѣла быть его учениками и старшіе предпочитали видѣть своихъ дѣтей въ ученіи у него, нежели за занятіями своими домашними дѣлами. И этому нельзя не вѣрить. Ибо еще и теперь бѣльшимъ почтеніемъ пользуются тѣ, которые выдаютъ себя за его учениковъ, хотя они хранятъ молчаніе, нежели имѣющіе величайшую славу за свои рѣчи.

5. *Диогенъ VIII 56.* Алкидамъ же въ „Физикъ“ говоритъ, что... онъ (*Эмпедоклъ*) былъ ученикомъ Анаксагора и Пиеагора и подражалъ святости жизни и важности вида одного (изъ нихъ) и ученію о природѣ другого.

Аристотель Rhet. B 23. 1398 b 9. И какъ (говоритъ) Алкидамъ, всѣ почитаютъ мудрецовъ. Такъ, паросцы чтити Архилоха, несмотря на его злорѣчивость... жители Италіи (пришельца) Пиеагора и жители Лампсака чужеземца Анаксагора похоронили и чтятъ (ихъ) еще и нынѣ.

6. *Диогенъ IX 38.* Кажется, что Демокритъ, говоритъ Фрасиль, былъ приверженцемъ пиеагорейцевъ. Впрочемъ, онъ помнитъ и самого Пиеагора, которому выражаетъ изумленіе въ сочиненіи, носящемъ имя послѣдняго („Пиеагоръ“, см. *перечень сочиненій Демокрита § 46. Срв. 55 A 33. B I 1*). Повидимому, онъ все заимствовалъ у него, такъ что, если бы не встрѣчалось затрудненій со стороны хронологіи, можно было бы думать, что онъ былъ и его слушателемъ. Но, во всякомъ случаѣ, какъ говоритъ его современникъ Главкъ Регинскій, онъ слушалъ кого-нибудь изъ пиеагорейцевъ.

Порфирій V. P. 3. Дуръ же Самосскій во второй книгѣ „Лѣтописей“ записываетъ сына его (*Пиеагора*) Аримнеста и говоритъ, что онъ былъ учителемъ Демокрита. Этотъ Аримнестъ, вернувшись изъ изгнанія, пожертвовалъ храму Геры даръ изъ мѣди, имѣвшій около двухъ локтей въ діаметрѣ. На немъ была сдѣлана слѣдующая надпись:

„Меня пожертвовалъ любезный сынъ Пиеагора, сдѣлавшій много мудрыхъ открытій въ наукахъ“.

6а. *Проклъ in Eucl. 65, 11 (изъ Эвдема; стоитъ послѣ 1 A 11; срв. 79 B 12).* Послѣ него (*Фалеса*) въ качествѣ серьезно занимавшагося геометрией упоминается Мамеркъ, сынъ Стесихора, братъ поэта... А послѣ нихъ Пиеагоръ преобразовалъ геометрію, придавъ ей форму свободной науки, разсматривая ея принципы чисто абстрактнымъ образомъ и изслѣдуя теоремы съ нематеріальной, интеллектуальной точки зрѣнія. Именно онъ нашелъ теорію ирраціональныхъ количествъ и открылъ конструкцію космическихъ фигуръ.

7. *Аристотель Metaph. A 5. 986 a 29.* А именно, Алкмеонъ былъ юнымъ во время старости Пиеагора.

Изъ книги *Аристотеля* „О пиеагорейцахъ“ исходитъ первый набросокъ легенды о Пиеагорѣ. *Экскерптъ у Аполлонія тит. 6.* Жившій послѣ нихъ (*Энименида, Аристея, Гермотима, Абариса, Ферекида*)

Пиеагоръ, сынъ Мнесарха, сперва занимался науками и числами, впоследствии же, подражая Ферекиду, сталъ также и чудотворцемъ. А именно, когда въ Метапонтѣ при прибытіи судна съ грузомъ присутствовавшіе молились изъ-за груза, чтобы оно пристало невредимымъ, бывшій (при этомъ) Пиеагоръ сказалъ: „Однако, тѣло, ведущее это судно, предстанетъ передъ вами мертвымъ“. Другой же разъ въ Кавлоніи, какъ передастъ Аристотель, (онъ предсказалъ появленіе бѣлой медвѣдицы. И тотъ же самый Аристотель), сообщающій о немъ въ своемъ сочиненіи много (разныхъ) другихъ (исторій), говоритъ также, что „въ Тирреніи жалившую ядовитую змѣю онъ умертвилъ своимъ укусомъ“. Также онъ предсказалъ пиеагорейцамъ случившееся (затѣмъ) возстаніе. По причинѣ послѣдняго онъ, невидимый никѣмъ, удалился въ Метапонтъ и, когда онъ вмѣстѣ съ другими переходилъ черезъ рѣку Касъ, онъ услышалъ громкій сверхчеловѣческой голосъ: „Здравствуй, Пиеагоръ!“ Бывшіе (при этомъ) сильно испугались. Какъ-то онъ явился въ одинъ и тотъ же день и часъ и въ Кротонѣ и въ Метапонтѣ. Однажды, какъ рассказываетъ Аристотель, сидя въ театрѣ, онъ всталъ, причѣмъ его бедро показалось золотымъ всѣмъ сидѣвшимъ.

Элій V. Н. II 26. Аристотель говоритъ, что кротонцы называли Пиеагора Аполлономъ Гиперборейскимъ. *IV 17.* Пиеагоръ училъ людей, что онъ произошелъ отъ сѣмени болѣе могущественнаго, чѣмъ сѣмя смертной природы... И онъ напомнилъ кротонцу Милліи, что Мидасъ, сынъ Гордія,—фригіецъ, и погладилъ рукой бѣлаго орла, подождавшаго его. *Ямвлихъ V. P. 31.* Рассказываетъ и Аристотель въ сочиненіи: „О пиеагорейской философіи“, что пиеагорейцами сохраняется въ числѣ большихъ тайнъ нѣкое слѣдующее дѣленіе: (есть три вида) разумнаго животнаго—во-первыхъ, богъ, во-вторыхъ, человѣкъ, и, въ третьихъ, подобныя Пиеагору.

8. Климентъ Ал. Strom. I 62. Итакъ, Пиеагоръ, сынъ Мнесарха, какъ говоритъ Гишботъ, былъ самосецъ; а какъ говорятъ Аристоксенъ въ „Жизни Пиеагора“, Аристархъ (Аристотель) и Теопомпъ, онъ былъ тирренецъ; а согласно Неанеу, онъ былъ сиріецъ или тириецъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію большинства, Пиеагоръ былъ родомъ варваръ.

Диогенъ VIII 1. Какъ сообщаетъ Аристоксенъ, онъ былъ тирренецъ съ одного изъ острововъ, которые заняли аеиняне, изгнавъ тирренцевъ (*островъ Лемносъ*).

Диогенъ I 118. Аристоксенъ въ сочиненіи: „О Пиеагорѣ и его друзьяхъ“ говоритъ, что онъ (*Ферекидъ*) захворалъ и былъ похороненъ Пиеагоромъ на Делосѣ.

Порфирій V. P. 9. Аристоксенъ говоритъ, что, когда ему исполнилось 40 лѣтъ и онъ видѣлъ, что тираннія Поликрата слишкомъ сильна, чтобы свободному человѣку можно было доблестно переносить надзоръ и деспотизмъ, вслѣдствіе этого онъ отбылъ въ Италію.

Теологумены Ариѳметики (изъ Анатолія) p. 40 Ast. Пиеагореецъ же Андрокидъ, написавшій „О символахъ“, а также пиеагореецъ Эвбулидъ, Аристоксенъ, Гишботъ и Неанеъ, написавшіе объ (этомъ) мужѣ,

сказали, что душепереселенія, случившіяся съ нимъ, совершились въ теченіе 216 лѣтъ. И вотъ послѣ столькихъ лѣтъ вновь родился и снова сталъ жить Пиеагоръ, какъ будто бы, совершивъ вначалѣ кругъ, вновь возвратилась въ прежнее положеніе относящаяся къ рожденію душъ игральная кость съ очками на шести сторонахъ, которые, будучи одними и тѣми же, возвращаются въ круговомъ движеніи вслѣдствіе шаровидности (игральной кости); подобнымъ же образомъ черезъ такой же промежутокъ времени онъ возродился и во второй разъ. Съ этимъ также согласуется и то обстоятельство, что онъ имѣлъ душу Эвфорба въ соответствующее время. А именно, извѣстно, что какъ разъ 514 лѣтъ отдѣляютъ Троянскія войны отъ физика Ксенофана и временъ Анакреонта и Поликрата, а также отъ осады и разрушенія іонійскихъ (городовъ) Гарпагомъ Мидійскимъ, спасаясь отъ котораго бѣгствомъ фокейцы населили Массилію. Дѣло въ томъ, что Пиеагоръ былъ современникомъ всѣхъ этихъ (событій). Рассказываютъ, по крайней мѣрѣ, что, когда Камбизъ завоевалъ Египетъ, то занимавшійся тамъ у жрецовъ (Пиеагоръ) былъ взятъ вмѣстѣ съ ними въ плѣнъ и, очутившись въ Вавилонѣ, былъ посвященъ въ религіозныя таинства варваровъ. Дѣло въ томъ, что Камбизъ былъ современникомъ тиранніи Поликрата, отъ которой Пиеагоръ бѣжалъ въ Египетъ. Такимъ образомъ если (изъ общей суммы лѣтъ) дважды отнять время круговращенія (то-есть дважды 216 лѣтъ), то въ остаткѣ получатся 82 года его жизни ¹⁾.

Диогенъ VIII 4. Гераклидъ Понтійскій сообщаетъ, что онъ (*Пиеагоръ*) рассказывалъ о себѣ слѣдующее: будто нѣкогда онъ былъ Эвалидомъ и считался сыномъ Гермеса. Гермесъ же предоставилъ ему выбрать себѣ, что онъ пожелаетъ, за исключеніемъ безсмертія. И вотъ онъ попросилъ, чтобы при жизни и по смерти ему помнить событія. Итакъ, при жизни онъ помнилъ все. Да и по смерти сохранилась (у него) та же самая память. Спустя нѣкоторое время онъ вошелъ въ (тѣло) Эвфорба и былъ раненъ Менелаемъ. И вотъ Эвфорбъ говорилъ, что онъ нѣкогда былъ Эвалидомъ и что онъ получилъ отъ Гермеса въ даръ знаніе о круговращеніи души: какъ его душа совершила кругъ, сколько разъ она переселялась въ растенія и животныя и сколько она претерпѣла въ Аидѣ, а также что переносятъ прочія души. (5). Когда же Эвфорбъ умеръ, душа его перешла въ Гермотима, который желая и самъ убѣдиться, пришелъ въ Бранхиды и, войдя въ храмъ Аполлона, указалъ щитъ, который пожертвовалъ Менелай (а именно, онъ сказалъ, что тотъ пожертвовалъ Аполлону щитъ, когда отплывалъ изъ Трои). Этотъ щитъ тогда уже совершенно сгнилъ, оставалась только передняя сторона, сдѣланная изъ сло-

¹⁾ Счетъ здѣсь, по объясненію **Laqueur'a**, таковъ. Троянскія войны отнесены къ 1052 году. Два періода душепереселеній и время жизни Пиеагора $216 + 216 + 82 = 514$. Такимъ образомъ смерть Пиеагора отнесена къ 538 году. Періодъ душепереселеній считается равнымъ 207 годамъ Диогенъ Лаэртій и 462 годамъ **Comm. Lucan. Vern.** 289, 12 Us.

новой кости. Когда же Гермотимъ умеръ, родился Пирръ, делосскій рыбакъ. И опять онъ помнилъ все, какъ сперва онъ былъ Эвалидомъ, затѣмъ Эвфорбомъ, затѣмъ Гермотимомъ, затѣмъ Пирромъ. Когда же умеръ Пирръ, родился Пиеагоръ, и онъ помнилъ все рассказанное выше.

9. *Порфирій V. P. 7.* Сверхъ соблюденія такой святости, говоритъ Эвдоксъ въ седьмой книгѣ „Описанія земли“, онъ избѣгалъ всего, имѣющаго отношеніе къ убійствамъ и убійцамъ, такъ что не только воздерживался отъ (убійства) живыхъ существъ, но даже никогда не подходилъ близко къ поварамъ и охотникамъ.

Страбонъ XV 716 (изъ Онезикрита). По словамъ же (*Калана*), и Пиеагоръ училъ такому же (*аскезу*) и приказывалъ воздерживаться отъ живыхъ существъ и т. д.

Диогенъ VIII 20. Жертвоприношенія же онъ совершалъ безкровныя; другіе же утверждаютъ, что онъ приносилъ въ жертву только пѣтуховъ, нѣжныхъ козлятъ—сосунцовъ¹⁾, и весьма рѣдко барановъ. Впрочемъ, Аристоксенъ (говоритъ), что онъ разрѣшалъ употреблять въ пищу всѣхъ прочихъ животныхъ, требуя воздержанія лишь отъ (мяса) рабочаго вола и барана.

Геллій IV 11, 1. Съ давнихъ поръ выросло и утвердилось ложное мнѣніе, будто философъ Пиеагоръ не вкушалъ животной пищи, а также воздерживался отъ того сорта бобовъ, который греки называютъ кіамомъ. 2. Исходя изъ этого мнѣнія, поэтъ Каллимахъ написалъ: „Воздерживаться во время ѣды отъ бобовъ, какъ приказывалъ Пиеагоръ, и я также совѣтую“. 4. Но знатокъ музыки Аристоксенъ, мужъ весьма любившій древнюю литературу, ученикъ философа Аристотеля, говоритъ въ своей книгѣ о Пиеагорѣ, что ни одними стручковыми плодами не пользовался Пиеагоръ чаще, чѣмъ бобами, такъ какъ эта пища подводитъ слегка желудокъ и послабляетъ. 5. Я выписалъ приведенныя ниже собственныя слова Аристоксена: „Пиеагоръ же изъ стручковыхъ овощей болѣе всего одобрялъ бобы; ибо они имѣютъ слабительное дѣйствіе и вызываютъ склонность къ поносу. Вслѣдствіе этого онъ и употреблялъ преимущественно ихъ“. 6. Тотъ же Аристоксенъ сообщаетъ, что онъ часто употреблялъ въ пищу маленькихъ поросятъ и нѣжныхъ козлятъ. 7. Это, кажется, онъ узналъ отъ своего родственника пиеагорейца Ксенофила и отъ нѣкоторыхъ другихъ, по возрасту старшихъ, которые (жили не столь долго спустя) послѣ вѣка Пиеагора. 12. Аристотель же говоритъ, что пиеагорейцы воздерживаются отъ матокъ, сердець, крапивы и отъ нѣкоторыхъ другихъ вещей въ этомъ родѣ, пользуются же (всѣмъ) остальнымъ.

10. *Платонъ resp. X 600 A.* Однако, не рассказываютъ ли, что самъ Гомеръ при жизни если не по порученію государства, то частнымъ образомъ, руководилъ воспитаніемъ нѣкоторыхъ (лицъ), которые

¹⁾ Собственно: „сосущими молоко козлятами, такъ называемыми „нѣжными козляточками“.

любили его за ученіе и передали послѣдующимъ (поколѣніямъ) какой-то гомеровскій образъ жизни точно такъ же, какъ и самъ Пиеагоръ главнымъ образомъ за это заслужилъ любовь? И позднѣйшіе (приверженцы его) еще и теперь называя образъ жизни пиеагорейскимъ, какимъ-то образомъ кажутся знаменитыми среди остальныхъ.

Диогенъ VIII 45. Акмѣ Пиеагора пришлось на 69-ую олимпиаду (540—537); и школа его просуществовала еще въ теченіе девяти или десяти поколѣній. *46.* Ибо послѣдними пиеагорейцами, которыхъ и Аристоксенъ видѣлъ, были Ксенофилъ Халкидскій изъ Эракіи, Фантонъ Фліунтскій, Эхекратъ, Діоклъ и Полимнестъ—тоже изъ Фліунта. Они были учениками тарентинцевъ Филолая и Эврита.

11. Ипполитъ Ref. I 2, 12. (D. 557). Діодоръ же Эретрійскій и знатокъ музыки Аристоксенъ говорятъ, что Пиеагоръ прибылъ къ Заратъ ¹⁾ Халдейскому.

12. VIII 14. И онъ (*Пиеагоръ*) первый ввелъ у эллиновъ мѣры и вѣсы, какъ говоритъ музыкантъ Аристоксенъ.

Порфирій V. P. 29. Имѣли съ нимъ сношенія, какъ говоритъ Аристоксенъ, левканійцы, мессапіи, певкетіи и римляне.

13. Порфирій V. P. 4. Тимей же рассказываетъ, что дочь Пиеагора предводительствовала въ Кротонѣ дѣвицами, пока была дѣвой, и женами, когда стала женой. Домъ же (ея) кротонцы обратили въ храмъ Деметры, узкій же проходъ (къ нему) назвали Музеемъ.

Ямвлихъ V. P. 170. Женившись же онъ такъ воспиталъ родившуюся у него дочь, которая впослѣдствіи находилась въ (супружескомъ) сожителствѣ съ кротонцемъ Менономъ (Милономъ), что, будучи дѣвицей, она открывала шествіе хора, ставъ же женой, первая подходила къ жертвенникамъ. Метапонтійцы же, помня Пиеагора еще и послѣ его смерти, обратили домъ его въ храмъ Деметры, узкій же проходъ (къ нему сдѣлали) Музеемъ.

Юстинъ 20, 4 (изъ Тимея). Пробывъ двадцать лѣтъ въ Кротонѣ, Пиеагоръ переселился въ Метапонтъ и тамъ умеръ: и столь велико было преклоненіе передъ нимъ, что изъ его дома сдѣлали храмъ.

14. Діод. XII 9, 2 (Эфоръ?). Бывшій же у нихъ (*сибаритовъ*) демагогъ Телисъ, обвиняя самыхъ вліятельныхъ мужей, убѣдилъ сибаритовъ изгнать 500 самыхъ богатыхъ гражданъ и имущество ихъ конфисковать. (3) Когда бѣглецы прибыли въ Кротонъ и искали убѣжища на площади у алтарей, Телисъ отправилъ пословъ къ кротонцамъ, предъявивъ послѣднимъ требованіе или выдать бѣглецовъ или принять (объявленіе) войны. (4) Было созвано народное собраніе и предложенъ на обсужденіе вопросъ, слѣдуетъ ли выдать сибаритамъ просившихъ защиты или подвергнуться войнѣ съ болѣе сильными (противниками). Сенатъ и народъ находились въ затрудненіи, и вначалѣ мнѣніе большинства изъ

¹⁾ т. е. Заратустръ, или Зороастру.

боязни войны склонялось къ тому, чтобы выдать просившихъ о защитѣ. Но когда затѣмъ философъ Пиеагоръ далъ совѣтъ спасать просившихъ защиты, мнѣніе перемѣнилось и они приняли войну за спасеніе просившихъ защиты. (5) Когда же сибариты выступили противъ нихъ войною въ количествѣ 30 мириадъ (300000), то кротонцы выставили съ своей стороны 10 мириадъ (100000) подъ предводительствомъ атлета Милона, который вслѣдствіе своей необыкновенной тѣлесной силы первый обратилъ въ бѣгство стоявшихъ въ строю противъ него. (6) А именно, этотъ мужъ, бывшій шесть разъ олимпійскимъ побѣдителемъ ¹⁾ и обладавшій силой, соотвѣтствовавшей природѣ его тѣла, отправился въ сраженіе, какъ рассказываютъ, украшенный олимпійскими вѣнками, одѣтый, подобно Гераклу, въ лъвиную кожу и (вооруженный) дубиной. Какъ виновникъ побѣды, онъ сталъ пользоваться почетомъ у согражданъ. (10,1) Такъ какъ кротонцы вслѣдствіе гнѣва не пожелали никого щадить, но убивали всѣхъ отдавшихся въ плѣнъ во время бѣгства, то они перебили большую часть. Городъ же разграбили и сдѣлали его совсѣмъ безлюднымъ.

Срв. Ямвлихъ V. P. 260. Они побѣдили тридцать мириадъ около Тетраента (Траента).

15. *Диогенъ II 46.* Съ нимъ (*Сократомъ*), какъ говоритъ Аристотель въ третьей книгѣ „О поэтикѣ“, соперничали нѣкій Антилохъ Лемносскій и предвѣщатель Антифонъ, подобно тому какъ съ Пиеагоромъ (соперничали) Килонъ и Онатъ.

16. *Ямвлихъ* ²⁾ *V. P. 248.* Итакъ, всѣ согласны что Пиеагоръ рѣшилъ уѣхать, расходятся же мнѣнія относительно мѣста его отъѣзда въ то время. Одни говорятъ, что Пиеагоръ отправился къ Ферекиду Сирійскому, а другіе—въ Метапонтъ. Причинъ же (этого) рѣшенія приводятъ нѣсколько. Одной (изъ нихъ) были такъ называемые килонцы, и эта причина заключалась въ слѣдующемъ. Кротонскій мужъ Килонъ, первый среди (кротонскихъ) гражданъ по знатности рода, славѣ и богатству, но по характеру свирѣпый насильникъ, безпокойный и жестокой, возымѣлъ сильное желаніе стать участникомъ въ пиеагорейской жизни и, придя къ самому Пиеагору, бывшему (тогда) уже старикомъ, получилъ отказъ по вышеуказаннымъ причинамъ. (249) И вотъ послѣ этого онъ самъ и друзья его начали сильную борьбу противъ Пиеагора и пиеагорейцевъ, и настолько честолюбіе самого Килона и его приверженцевъ было сильно и необузвано, что борьба продолжилась до (эпохи) послѣднихъ пиеагорейцевъ. Итакъ, по этой причинѣ Пиеагоръ отбылъ въ Метапонтъ и тамъ, говорятъ, скончался. А такъ называемые килонцы продолжали быть во враждебномъ отношеніи къ пиеагорейцамъ и всячески проявляли свою

¹⁾ Ол. 62—67 (532—512).

²⁾ Рассказъ Ямвлиха заимствованъ, вѣроятно у Аполлонія, который использовалъ Аристоксена.

ненависть (къ нимъ). Однако, нѣкоторое время калокагатія¹⁾ пиеагорейцевъ и предпочтеніе, оказываемое имъ городами, имѣли перевѣсъ, такъ что государственными дѣлами правили они. Но, наконецъ, козни противъ нихъ дошли до того, что, когда пиеагорейцы засѣдали въ Кротонѣ въ домѣ Милона и совѣщались о государственныхъ дѣлахъ, (ихъ противники) подожгли домъ и сожгли (всѣхъ) пиеагорейцевъ, за исключеніемъ двухъ: Архиппа и Лизиса. Послѣдніе, будучи самыми юными и самыми сильными, какъ-то пробились наружу. (250) Когда послѣ этого событія города не обратили никакого вниманія на происшедшій случай, пиеагорейцы прекратили (свой) занятія. Случилось же это по двумъ причинамъ: вслѣдствіе небрежности городовъ (ибо они не обратили никакого вниманія на такое столь великое несчастіе) и вслѣдствіе гибели главныхъ вожаковъ. А изъ двухъ спасшихся (пиеагорейцевъ), которые оба были тарентинцами, Архиппъ удалился въ Тарентъ, а Лизисъ, не пожелавъ переносить пренебрежительнаго отношенія, отбылъ въ Элладу и жилъ въ Ахайи Пелопоннеской, затѣмъ переселился въ Фивы вслѣдствіе усерднаго старанія, обнаруженнаго въ чьемъ-то (фиванцами). Его-то ученикомъ былъ Эпаминондъ, и онъ назвалъ Лизиса отцомъ. Такъ онъ и умеръ. (251) Остальные же пиеагорейцы, собравшись въ Регинѣ, вмѣстѣ проводили тамъ время. По прошествіи же нѣкотораго времени, когда политическій строй ухудшился, они удалились изъ Италіи, за исключеніемъ Архиппа Тарентинскаго. Самыми же ревностными (пиеагорейцами) были фліунтійцы Фантонъ, Эхекратъ, Полимнастъ и Діокль, а также Ксенофилъ халкидеецъ изъ еракійскихъ халкидейцевъ. Итакъ, хотя школа прекратила свое существованіе, они сохранили первоначальные нравы и ученія, пока благородно не погибли. Вотъ что рассказываетъ Аристоксенъ. Никомахъ же, будучи согласенъ съ этимъ (рассказомъ) въ остальныхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ (сообщенія) объ отъѣздѣ Пиеагора, говоритъ, что послѣднее рѣшеніе было принято и т. д.

Порфирій V. P. 56. Дикеархъ и болѣе добросовѣстные (писатели) говорятъ, что и Пиеагоръ присутствовалъ при (этомъ) нападеніи (на пиеагорейцевъ).

Полібій II 38, 10. Итакъ, (этотъ) образъ мыслей и вышеупомянутая особенность государственнаго устройства и раньше были у ахеянъ... (39,1) А именно, въ Италіи, тогда называвшейся Великой Греціей, въ удобный моментъ сожгли дома, гдѣ происходили засѣданія пиеагорейцевъ; (2) послѣ этого наступило сильное политическое движеніе (что естественно, такъ какъ такимъ образомъ неожиданно погибли первыя лица изъ каждаго города); (3) вслѣдствіе этого расположенные въ тѣхъ мѣстахъ эллинскіе города наполнились кровопролитіемъ, раздоромъ и всякаго рода безпорядками. (4) Въ это время изъ весьма многихъ частей Эллады пришли посольства съ цѣлью внести успокоеніе, и для прекращенія бѣдствій у ахеянъ они воспользовались ихъ довѣріемъ.

¹⁾ Совершенство во всѣхъ отношеніяхъ.

Сочиненія.

17. *Филодемъ de piet. S. 66, 4 b 3 Gomp.* Нѣкоторые утверждаютъ, что, по крайней мѣрѣ, самому Пифагору не принадлежитъ ничего изъ приписываемыхъ ему (сочиненій), за исключеніемъ (тѣхъ трехъ книгъ?).

Ямвлихъ V. P. 199 (вѣроятно, изъ Аристоксена). Удивительна также величайшая точность сохраненія. Ибо въ теченіе столь продолжительнаго періода времени никому, кажется, не попадались пифагорейскія записки. (Такъ обстояло дѣло) до вѣка Филолая, послѣдній же впервые опубликовалъ тѣ общеизвѣстныя три книги, о которыхъ рассказываютъ, будто ихъ купилъ, по порученію Платона, Діонъ Сиракузскій за сто минъ, когда Филолай впалъ въ крайнюю бѣдность. Дѣло въ томъ, что Филолай самъ принадлежалъ къ пифагорейскому союзу и вслѣдствіе этого имѣлъ доступъ къ книгамъ.

18. *Иосифъ с. Ар. I 163.* Итакъ, (всѣ) согласны, что нѣтъ ни одного его (*Пифагора*) сочиненія, но многіе писали о немъ, и изъ послѣднихъ наиболѣе извѣстенъ Гермиппъ (*срв. I A 11 с. 9, 2*).

Плутархъ Alex. fort. I 4 p. 328. Ни Пифагоръ ничего не написалъ, ни Сократъ, ни Аркезилай, ни Карнеадъ.

Галенъ de plac. Hipp. et. Plat. 459 Müll. Посидоній же говоритъ, что и у Пифагора (*уже была Платоновская психологія*), причемъ объ этомъ онъ заключаетъ изъ сочиненій нѣкоторыхъ учениковъ Пифагора, такъ какъ до насъ не сохранилось ни одного сочиненія самого Пифагора.

19. *Диогенъ VIII 6.* Итакъ, нѣкоторые (въ шутку) говорятъ, что Пифагоръ не оставилъ ни одного сочиненія. По крайней мѣрѣ, физикъ Гераклитъ (*12 B 129*) вполне ясно говоритъ: „Пифагоръ, сынъ Мнесарха, подвизался въ научномъ изслѣдованіи больше всѣхъ остальныхъ людей. И выбравъ для себя эти сочиненія, онъ создалъ свою мудрость—многознайство и обманъ“. Такъ, по словамъ его, Пифагоръ слѣдующимъ образомъ говоритъ въ началѣ своего сочиненія о природѣ: „Нѣтъ, клянусь воздухомъ, которымъ я дышу; нѣтъ, клянусь водой, которую я пью; никогда я не буду порицаемъ за нижеслѣдующую рѣчь“. Написалъ же Пифагоръ три сочиненія: о воспитаніи, о государствѣ и о природѣ. (7) А то, что ходитъ подъ именемъ Пифагора, принадлежитъ пифагорейцу Лизису изъ Тарента, бѣжавшему въ Фивы и бывшему учителемъ Эпампонда. Гераклитъ же, сынъ Сарапіона, говоритъ въ „Сокращеніи Сотіона“, что онъ (Пифагоръ) написалъ также „О всемъ“ въ стихахъ и другое сочиненіе „Священное слово“, которое начинается такъ: „О юноши, благоговѣнно въ безмолвіи внимайте всему, что слѣдуетъ ниже“; третье (его сочиненіе) „О душѣ“, четвертое „О благочестіи“, пятое „Геловалесь, отецъ Эпихарма косскаго“ (*срв. 13 A 3. 8*), шестое „Кротонъ“ и другія. А „Мистическое слово“, говоритъ онъ, принадлежитъ Гиппасу и написано съ цѣлью оклеветать Пифагора. Также многія сочиненія, написанныя кротонцемъ Астрономъ, были приписаны Пифагору.